

К ВОПРОСУ О ПЕРМАНЕНТНОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ ЛЮДВИГА ВИТГЕНШТЕЙНА

© *Т.В. Филатов*

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики,
Самара, Россия

Поступила в редакцию 03.11.2021

В окончательном варианте 28.03.2022

■ Для цитирования: Филатов Т.В. К вопросу о перманентной творческой эволюции Людвиг Витгенштейна // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2022. Т. 4. № 1. С. 65–70. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.1.9>

Аннотация. В работе прослеживается творческая эволюция Витгенштейна в направлении от «Логико-философского трактата», интерпретируемого нами в качестве финитной теории, претендующей на завершение философии, к «Философским исследованиям» с их концепцией «языковых игр», которым присуща принципиальная трансфинитность. Указывается, что Витгенштейн в своем творчестве преодолевает временные рамки эпохи модерна, эволюционируя в направлении постмодерна.

Ключевые слова: «Логико-философский трактат»; «Философские исследования»; атомарные суждения опыта; языковые игры; модерн; постмодерн.

TO THE QUESTION OF THE PERMANENT CREATIVE EVOLUTION OF LUDWIG WITTGENSTEIN

© *T.V. Filatov*

Povolzhsky State University of Telecommunications and Informatics, Samara, Russian
Federation

Original article submitted 03.11.2021

Revision submitted 28.03.2022

■ For citation: Filatov T.V. To the question of the permanent creative evolution of Ludwig Wittgenstein. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2022; 4(1):65–70. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.1.9>

Abstract. The paper traces the creative evolution of Wittgenstein in the direction from the «Tractatus Logico-Philosophicus», interpreted by us as a finite theory that claims to complete philosophy, to «Philosophical Investigations» with their concept of «language games», which are characterized by fundamental transfiniteness. It is indicated that Wittgenstein in his work overcomes the time frame of the modern era, evolving in the direction of postmodernism.

Keywords: «Tractatus Logico-Philosophicus»; «Philosophical Investigations»; atomic judgments of experience; language games; modern; postmodern.

Цель настоящего исследования дуальна: во-первых, телеологическая — рассмотрение вопроса о смысле научной деятельности; во-вторых, историческая — обоснование тезиса об уникальности творческого пути Людвиг Витгенштейна в контексте истории нововременной философии.

Относительно первого вопроса можно указать на два варианта его решения. Можно утверждать, что целью научной деятельности является построение некой окончательной теории, посредством которой будет дано объяснение всей совокупности феноменов, исследуемых в рамках данной научной дисциплины, а в идеале — всей области познания, потенциально доступной для человечества. Последнее допущение выводит нас на известную дилемму «редукционизм — антиредукционизм» [7, с. 5], что, однако, в нашу эпоху глобальной научной специализации, когда мирно сосуществуют десятки тысяч отдельных дисциплин, не представляется принципиально важным, поскольку окончательное завершение исследований хотя бы в одной локальной области делает весьма проблематичным перевод высвободившегося интеллектуального потенциала в соседнюю область, где исследования еще продолжаются. Назовем подобный вариант решения телеологического вопроса о смысле научной деятельности *классическим*.

Второй вариант решения обозначенного выше вопроса строится на представлении о том, что построение какой-либо окончательной теории заведомо невозможно; в мягком варианте — применительно к системе научного познания в целом, в жестком — даже применительно к какой-либо локальной области исследования. То есть всякая теоретическая система в науке, а возможно и за ее пределами, заведомо имеет не окончательный, а промежуточный характер. Обозначим данный вариант решения телеологического вопроса как *постмодернистский*.

Нетрудно заметить, что явственная ориентация на первый из обозначенных выше вариантов характерна для неопозитивизма с его программой «преодоления метафизики» [4], тогда как ориентация на второй вариант явственно ощущается в рамках постпозитивизма, причем, практически у всех его крупнейших представителей, будь то фальсификационизм и особенно фаллибилизм К.Р. Поппера [9], концепция научных революций Т. Куна [5] или «эпистемологический анархизм» П. Фейерабенда [12], не говоря уже о современной эволюционной эпистемологии [11].

Здесь следует указать, что допущение возможности построения окончательных теоретических систем имеет своим негативным следствием тезис об исторической конечности науки, а в перспективе и человеческого познания вообще. Именно поэтому Гегель, который был убежден в финитности построенной им философской системы, склонялся к тезису о конце истории человечества [10], которой завершается процесс самопознания Мирового Духа. С другой стороны, отрицание возможности построения окончательных теоретических систем лишает научную деятельность всякого конечного смысла, превращая ее в тавтологию: мы познаем, чтобы познавать, аналогично тому как мы живем, чтобы жить. Но жизнь рано или поздно завершается смертью, потому жизнь ради жизни бессмысленна. Аналогично обстоит дело и с познанием ради познания, которое рано или поздно прекратится вследствие конечности бытия человечества, завершившись, тем самым, ничем. Как отмечал по этому поводу

А.Н. Чанышев: «Человек приходит из небытия и уходит в небытие, так ничего и не поняв» [13].

Обратимся теперь к специфике творческой эволюции Л. Витгенштейна. Философа с большой степенью вероятности можно отнести к авторам одной книги, поскольку прижизненная его известность объяснялась публикацией сравнительно небольшого по объему «Логико-философского трактата» [1], тогда как вторая знаковая работа мыслителя — «Философские исследования» [2] — увидела свет лишь после смерти автора.

Мы выдвигаем допущение, что «Трактат» представляет собой классическое финитное теоретическое построение, в рамках которого при помощи средств символической логики строится стройная аксиоматическая теория, претендующая на то, чтобы завершить собой философию. Согласно «Трактату» основу научных знаний составляют теоретически нейтральные атомарные суждения опыта, именуемые в «Трактате» элементарными предложениями [1, с. 29]. Логика и математика как логический метод [1, с. 64] есть основные средства их систематизации, а научная работа, как таковая, сводится к приведению эмпирического содержания, выражаемого данными предложениями, в логически целостную систему. С другой стороны, существуют сегменты познавательной деятельности, лишённые всякого эмпирического содержания, например, этика [1, с. 70] или теология [1, с. 71]. Последнее превращает соответственные познавательные структуры в бессодержательные и, следовательно, в бессмысленные.

Что, однако, в этой связи мы можем сказать о философии? Здесь возникает знаменитая «лестница Витгенштейна» [1, с. 72–73]. Единственные осмысленные познавательные высказывания — это научные. Уяснение данного обстоятельства поднимает нас на новый уровень понимания, что делает «Трактат» подобным лестнице, которую можно отбросить за ненужностью, когда данный уровень достигнут. А вместе с этим и всю философию как полностью завершённую, потому что «Трактат» — это ее последнее слово.

Таким образом, Витгенштейн структурирует финитную философскую теорию, но в свойственном позитивистам негативном по отношению к метафизике ключе, поскольку означенная теория, по сути дела, упраздняет философию за ненужностью, оставляя на интеллектуальном поле только одного «игрока» — науку. Как свидетельствует исторический триумф неевклидовых геометрий, аксиоматические финитные теории, будучи правильно построенными, имеют только одно уязвимое место, своеобразную «ахиллесову пятю». Это система постулатов, статус которых у самого Евклида сугубо конвенционален. Впоследствии Декарт попытался изменить его в сторону усиления, указав на простоту и интуитивную ясность как критерии истинности подобных положений. Последним, однако, не удовлетворял пятый постулат, замещение которого на альтернативные положения приводит нас к неевклидовым геометриям. Аналогично и с «Логико-философским трактатом», слабое место которого — представление о теоретически нейтральных атомарных суждениях опыта.

Постпозитивисты, начиная с Поппера, много сделали для того, чтобы доказать фантомность подобных суждений, по сути дела, представляющих собой концептуальный аналог «философского камня» средневековых алхимиков.

По-видимому, последнее обстоятельство на каком-то этапе уяснил для себя и сам Витгенштейн, на определенном этапе своей творческой эволюции резко поменявший вектор движения на противоположный.

Если присмотреться к биографиям великих мыслителей, то весьма редко в их среде обнаруживается нечто подобное. Как правило, гений — это однодум, способный, как Дарвин, десятилетиями дорабатывать свою теорию, пытаясь придать ей высшую степень совершенства. В крайнем случае, на каком-то этапе жизни он сходит с дистанции, передавая эстафету своим ученикам. Наконец, он просто может поменять сферу деятельности, как Артур Рембо, ушедший из поэзии в торговлю, или академик А.Д. Сахаров, увлечение которого наукой по ходу жизни уступило место увлечению политикой.

Витгенштейн осуществляет принципиально иное: он отказывается от основных положений своего «Трактата», выстраивая на протяжении оставшейся части своей жизни концепцию «языковых игр» [8, с. 24]. Последняя предполагает принципиальную сложность языка, который, с одной стороны, включает в себя совокупность конвенционально принятых правил, но, с другой стороны, данные правила перманентно трансформируются, так что, например, один и тот же термин в различных контекстах наполняется различным содержанием. При этом формируется поле альтернативных смыслов, столкновение которых приводит к появлению новых смыслов и т. д.

Если «Логико-философский трактат» предельно ясен и лаконичен, то «Философские исследования», в которых излагается концепция языковых игр, логически невняты, многословны, распадаются на фрагменты, внешне напоминающие черновые записи. Им присуща принципиальная незавершенность, как, впрочем, и самим языковым играм, которые могут продолжаться неопределенно долго. С учетом сказанного становится ясным, почему Витгенштейн не издал при жизни эту работу. Она принципиально не предполагала завершения.

Примечательно, что неопозитивизм, по большей части продолжавший стратегию «Логико-философского трактата», со всем своим корпусом идей давно уже стал достоянием истории, оставшись где-то позади, в эпохе *модерна*. Витгенштейн же, по сути дела, в одиночестве следовал не букве, а духу «Трактата», отбросив его как лестницу и продвинувшись далее посредством «Философских исследований» с их принципиальной незаконченностью. Тем самым он интуитивно последовал в направлении постижения следующего за модерном экзистенциального проекта *постмодерна*, технически обусловленного информатизацией общества [6] и технологиями искусственного интеллекта, т. е. процессами, которые только начинались в последние годы жизни философа.

Гегель определял философию как «время, постигнутое в мысли», что, в свою очередь, позволило ему определить философа как «сына своего времени» [3, с. 55]. На наш взгляд, Людвиг Витгенштейн представляет собой исключение из сформулированного Гегелем правила, поскольку он разрывает рамки своего времени и устремляется в будущее, осуществившееся для нас сегодня в качестве настоящего.

Список литературы

1. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Философские работы. Часть I. – М.: Гнозис, 1994. – С. 1–73.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Часть I. – М.: Гнозис, 1994. – С. 75–319.
3. Гегель. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
4. Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка // Вестник Московского государственного университета. Серия «Философия». – 1993. – № 6. – С. 11–26.
5. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
6. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
7. Микешина Л.А. Редукционизм как проблема философии науки и эпистемологии // Эпистемология и философия науки. – 2013. – Т. 37, № 3. – С. 5–13.
8. Нехаев А.В. «Стандартный лжец»: Витгенштейн, языковые игры и самореференция // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2020. – № 56. – С. 23–32.
9. Поппер К.Р. Объективное знание: Эволюционный подход. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 384 с.
10. Рапопорт Е.В. Проблема конца истории в свете гегелевской диалектики раба и господина // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2011. – №15(77). – С. 79–86.
11. Рузавин Г.И. Перспективы эволюционного подхода к эпистемологии науки // Эпистемология и философия науки. – 2010. – Т. 23, № 1. – С. 17–33.
12. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. – М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2007. – 413 с.
13. Чанышев А.Н. Трактат о небытии // Вопросы философии. – 1990. – № 10. – п. 45.

References

1. Wittgenstein L. Logico-Philosophical Treatise. *Philosophical Works*. Part I. Moscow: Gnosis, 1994. P. 1–73.
2. Wittgenstein L. Philosophical research. *Philosophical works*. Part I. Moscow: Gnosis, 1994. SP. 75–319.
3. Hegel. *Philosophy of law*. Moscow: Thought, 1990. 524 p.
4. Carnap R. Overcoming metaphysics by the logical analysis of language. *Bulletin of the Moscow State University. Series «Philosophy»*. 1993. No. 6. P. 11–26.
5. Kuhn T. *The structure of scientific revolutions*. Moscow: Progress, 1977. 300 p.
6. Lyotard J.-F. postmodern state. Moscow: Institute of Experimental Sociology; Saint Petersburg: Aletyya, 1998. 160 p.
7. Mikeshina L.A. Reductionism as a problem of philosophy of science and epistemology. *Epistemology and Philosophy of Science*. 2013. Vol. 37. No. 3. P. 5–13.
8. Nekhaev A.V. «Standard liar»: Wittgenstein, language games and self-reference. *Tomsk State University Bulletin. Philosophy. Sociology. Political science*. 2020. No. 56. P. 23–32.
9. Popper K.R. Objective knowledge: An evolutionary approach. Moscow: Editorial URSS, 2002. 384 p.
10. Rapoport E.V. The problem of the end of history in the light of the Hegelian dialectic of slave and master. *Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Philosophy. Sociology. Art criticism*. 2011. No. 15(77). P. 79–86.
11. Ruzavin G.I. Prospects for an evolutionary approach to the epistemology of science. *Epistemology and Philosophy of Science*. 2010. Vol. 23. No. 1. P. 17–33.
12. Feyerabend P. Against the method. Essay on the anarchist theory of knowledge. Moscow: AST: AST Moscow: Guardian, 2007. 413p.
13. Chanyshv A.N. Treatise on non-existence. *Questions of Philosophy*. 1990. No. 10. p. 45.

Информация об авторе

Тимур Валентинович Филатов — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики», Самара, Россия. **E-mail:** tfilatoff1960@mail.ru

Information about the author

Timur V. Filatov — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy, Volga State University of Telecommunications and Informatics, Samara, Russian Federation. **E-mail:** tfilatoff1960@mail.ru